

Майю Лассила. За спичками

Перевод с финского М.Зощенко

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— А что, черная корова отелилась у Ватанена? — сказала Анна-Лийса, жена Антти Ихалайнена, проживающего в деревне Кутсу, что в Липери.

Она сказала это как бы про себя, сажая хлебы в печку. Эта мысль промелькнула у нее в голове просто так, неожиданно.

— Говорят, уже отелилась, — ответила Миина Сормунен, которая случайно зашла в гости и теперь, шумно прихлебывая, пила кофе. Потом, подумав, что Анна-Лийса ведет речь, быть может, о корове Антти Ватанена, переспросила:

— Ты что, о корове Юсси Ватанена?

— Да, — ответила Анна-Лийса. Тогда Миина снова подтвердила:

— Говорят, уже отелилась.

— Ах, вот как...

Некоторое время Анна-Лийса возилась со своими хлебами, потом опять спросила:

— Телку или бычка она принесла?

— Корова Юсси Ватанена? — Да...

— Говорят, телку принесла, — сказала Миина.

— Телку, значит... А что, Юсси оставил ее или зарезал? — продолжала расспрашивать Анна-Лийса.

Прихлебывая кофе, Миина сказала:

— Кажется, он ее зарезал.

И, наливая кофе в блюдечко, Миина добавила:

— У этого Юсси и без того большое стадо. На что ему еще их оставлять?

Воцарилось долгое молчание. Сам хозяин Антти Ихалайнен с трубкой в зубах лежал брюхом на скамейке. Глаза его были полузакрыты, и трубка едва не падала изо рта.

Однако он слышал разговор и даже сквозь сон понял, о чем шла речь. Конечно, он не все осознал с достаточной ясностью, но кое в чем он все-таки разобрался. И даже пробормотал сквозь сон:

— Хватает скота у Юсси. Сколько же теперь у него дойных коров?

— А-а, проснулся, — сказала Анна-Лийса. Миина Сормунен стала подсчитывать коров:

— Пожалуй, пятнадцать у него будет вместе с той черной коровой, что куплена у

Воутилайнена.

— Ах, пятнадцать, — пробурчал Антти и снова погрузился в сладкий сон. И трубка его, покачиваясь, казалось, вот-вот упадет.

Миина повторила:

— Пятнадцать дойных коров у Юсси.

— Ну и молока в его доме! — с удивлением произнесла Анна-Лийса и через мгновение добавила: — Не помешало бы и хозяйку в таком доме иметь...

Откусив кусочек сахара, Миина в свою очередь сказала:

— Еще погодите, женится этот Юсси. Уже скоро год со дня смерти его Ловиисы.

— Да уж пора ему и жениться, — согласилась Анна-Лийса. И немного повозившись с хлебами, она, поразмыслив, спросила:

— Сколько же лет этой самой дочери Пекка Хювяри-нена?

— Хювяринена из Луоса?— осторожно спросила Миина.

— Да, из Луоса...

— Да не будет ли ей... Позволь, так ведь она в одних годах с Идой Олккола! — воскликнула Миина.

— Ах, вот оно что... Ну, тогда пора ей уйти от родителей. У них и без нее хватает работников... Уж не о ней ли подумывает Юсси Ватанен?

— Об этой, что ли, дочке Хювяринена? — снова сквозь сон пробурчал Антти.

— Говорят, будто он ее имеет в виду, — ответила Миина. — Да только выйдет ли из этого толк?

Тут Анна-Лийса, вступившись за дочку Хювяринена, сказала:

— Для Юсси она была бы подходящей женой. Ведь и сам Юсси уже далеко не молоденький.

И тут, желая уточнить возраст Юсси, она спросила: — А сколько же лет этому Юсси?

Миина стала подсчитывать:

— Да вот старику Воутилайнену со сретенья пошел шестой десяток. Не в тех ли годах и наш Юсси?

— Он именно в его годах. Теперь я это припоминаю, — подтвердила Анна-Лийса. И тут, вступив на путь воспоминаний, она пустила в ход весь запас своих сведений.

— Сначала-то он, говорят, собирался жениться на Кайсе Кархутар, ну а потом в конце концов округился со своей покойной Ловиисой.

— Этот Юсси Ватанен?

— Да... Сначала-таки он подумывал о Кархутар.

— Ах, вон как! — удивилась Миина. Анна-Лийса пояснила:

— Кархутар, понимаешь, потом вышла замуж за Макконена. И с ним уехала в город Йоки... Да нетам ли она и сейчас живет со своим мужем?.. Ну, эта Кархутар всегда мечтала о городской жизни... Да только вряд ли ей там лучше живется, чем в каком-либо другом месте...

— Уж, конечно, ей там не лучше, — согласилась Миина. — Вот, говорят, семья Хакулинена в полнейшей нищете там живет.

Айна-Лийса добавила:

— Я тогда еще говорила Кархутар, чтоб она шла за Юсси Ватанена. В его доме не пришлось бы ей без хлеба сидеть. К тому же и сам Юсси вполне еще приятный мужчина.

— Мужчина он крепкого сложения, — подтвердила Миина. — Правда, нос у него похож на картофелину. Вот именно за это над ним иной раз и подсмеиваются.

— Ну, у дочки Хювяринена нос тоже не отличается особой красотой. К тому же она рыжая. И нечего ей гнушаться этим Юсси. Вот взяла бы и вышла за него.

И тут, окончательно взяв под свою защиту Юсси Ватанена, Анна-Лийса добавила:

— Ну, а что касается носа, так и этим своим носом Юсси всегда отлично обходился и умел-таки высморкаться, когда это требовалось.

Закрыв печную трубу, Анна-Лийса прибавила:

— А что толку, что у мужчины нос красивый, если у него за душой больше и нет ничего мужского, кроме штанов.

Миина Сормунен была того же мнения. Сославшись на нос мужа Айна-Лийсы, она сказала:

— Вполне можно высморкаться, имея и такой нос. Ничем не лучше нос и у твоего Ихалайнена.

— У них одинаковые носы. И мой Ихалайнен тоже отлично обходился с ним. И мы с мужем неплохо жили, и никогда в еде у нас недостатка не было!

Снова наступило молчание, потому что Миина пила вторую чашку кофе, а Анна-Лийса возилась со своими хлебами.

Однако, управившись с этим, Анна-Лийса вернулась к интересной для нее теме:

— Мой Ихалайнен и Юсси Ватанен с детских лет были вместе. И даже они пить бросили в одно время... После этого, как с пьяных глаз поколотили этого дурака Нийранена ...

Пришлось им тогда четыре коровы отдать за его сломанные ребра... Они четыре ребра ему повредили... Этот мой Ихалайнен и Ватанен.

— И что же, с тех пор они не пьют? Ведь больше двадцати лет прошло с того времени? — с удивлением спросила Миина.

— Нет, они даже маковой росинки в рот не берут, хотя у Ватанена и сохранилось

полбутылки вина с того времени. Ну, а мой Ихалайнен с тех пор не употребляет ничего, похожего на вино. Он даже воды остерегается. Разве только иной раз в баню ходит — промыть водой свои глаза.

— Да что ты?

Помолчав, Анна-Лийса стала не без сочувствия толковать о своем муже:

— О том, что они побили Нийранена, быть может, и не было бы лишних разговоров, да только, видишь ли, сам этот Нийранен поднял шумиху — придрался к мужикам по такому пустому делу, как его сломанные ребра. И даже хотел судиться. И тогда мужики сказали, что они дадут ему по корове за каждое его ребро, которое сломалось там у них в драке, если, конечно, он не поднимет судебного дела из-за таких пустяков. И вот с тех пор они особенно подружились — мой Ихалайнен и Юсси Ватанен. Как две капли воды они похожи друг на друга, хотя мой Ихалайнен на полгода моложе Ватанена.

И вот, тщательно обсудив наружность Юсси Ватанена, а также и его прошлое, женщины перешли теперь к разбору его костюма. Не без удивления Анна-Лийса сказала:

— Немало всякой одежды у этого Ватанена, помимо прочего добра. А по воскресеньям он, по-моему, щеголяет в тех самых суконных брюках, в которых его покойный отец ходил в церковь.

— Да, говорят, что он по воскресеньям эти брюки носит, — подтвердила Миина.

Хлебы спели в печи. Их запах распространился по всему дому. Снова наступило короткое молчание, потому что Анна-Лийса принялась мыть стол. Наконец Миина прервала молчание, спросив:

— Уже скоро начнете трепать лен?

— Надо бы завтра начать, да вот спичек нет, кончились — нечем будет огонь в бане разжечь, когда пойдем лен трепать.

— Ах, спички у вас кончились!

— Кончились спички ... А у моего Ихалайнена не было времени съездить на станцию за спичками.

Взглянув на спящего мужа, она сказала ему:

— Эй, Ихалайнен, а ты приготовил корм кобыле?

Но Антти Ихалайнен не отвечал. Анна-Лийса сказала:

— Опять, кажется, дрыхнет.

Миина подтвердила, что именно так и обстоит дело. Анне-Лийсе стало жаль своего мужа, и она сказала в его оправдание:

— Уж больно рано он встал зерно молотить. Неудивительно, что его ко сну клонит.

— А что, Ихалайнен рожь молотил? — спросила Миина.

— Рожь ... Ту, что он получил от Матикайнена ...

— Ах, он ту молотил ...

— Сколько же мереж у вас получилось? — спросила Миина.

И Анна-Лийса ответила:

— Полный дерюжный мешок, да там еще на мешковине осталось немного.

— Вон как!

Анна-Лийса стала теперь суетливо подметать пол. И тут пожаловалась:

— Моя работница ушла на неделю, так что мне одной приходится бегать и вертеться. А ведь при этом надо еще накормить десять коров. Да вот еще придется лен трепать.

— А что, у вас в работницах дочка Гийны? — спросила Миина.

— Она самая.

— Ах, она ... Я так и думала ...

Тут Анна-Лийса, поворачивая хлебы в печи, опять вспомнила про баню со льном и сказала, вздохнув:

— Ну где бы взять спички? Лен-то ведь высох, пора его теревить ...

Миина посоветовала:

— Так сходил бы твой Ихалайнен за спичками хотя бы к Хювяринену, а вы бы ему потом отдали.

Анна-Лийса ничего не ответила, так как суетилась около своих хлебов, приговаривая:

— Как будто они готовы ... Прошлый-то раз сгорело тесто, потому что золу из печки не выгребла.

Однако совет Миины запал в голову Анны-Лийсы. Закрыв печь, она сказала мужу, чистя котел из-под каши:

— И верно, Ихалайнен, ведь мог бы ты сходить за спичками к старику Хювяринену, чтоб завтра нам разжечь огонь в бане.

Но Антти не отвечал, потому что он, прямо скажем, спал. И вот, казалось, что о спичках забыли. Тем более, что хозяйки заговорили о пряже.

Между тем дело на этом не кончилось. Оно только начало подниматься, как на дрожжах.

Суетясь по хозяйству, Анна-Лийса сказала мужу:

— Да ты что, все еще спишь?

— Он не слышит, он спит, — подтвердила Миина и тут же добавила: — Если идти напрямик, то до старика Хювяринена будет не более шести километров.

— Никак не больше, — согласилась Анна-Лийса и уже громко сказала мужу: — Да ты что, Ихалайнен, не слышишь, что ли! Надо бы встать и сходить за спичками к

Хювяринену.

Теперь Антти услышал нечто такое, что напоминало ему голос Анны-Лийсы, он даже отчасти понял, о чем она говорит, но сон был так сладок, что ему не хотелось отвечать. Некоторое время хозяйки говорили еще об овцах Пекки Хакулинена, но мысль о спичках не выходила из головы Анны-Лийсы. Она подумала, что если и завтра не начать лен трепать, то баня совсем остынет, и тогда придется ее заново отапливать. И тут она прикрикнула на Антти:

— Да ты что — целый день намерен дрыхнуть и храпеть?

Эти слова Антти услышал уже совершенно отчетливо, тем не менее, он прижался к скамье еще крепче.

Такое поведение рассердило Миину, и она сказала:

— Надо бы хлопнуть его хлебной лопаткой вон по тому месту ...

Анна-Лийса мысленно одобрила совет, но пока еще удерживалась от этого, занятая своими хлебами. Но вот она вспомнила, что уже осень, рано темнеет и мужу придется тащиться в темноте к Хювяринену. И тогда она не сдержалась. Она шлепнула Антти хлебной лопаткой пониже спины и в сердцах сказала:

— А ну, давай поднимайся! Иди к старику Хювяринену за спичками, чтоб завтра нам было чем затопить баню.

Антти медленно приподнялся, спросонок минутку посидел на скамье, посасывая свою потухшую трубку, потом, сладко зевнув, спросил:

— Неужели прошло больше полгода со дня смерти старухи Юсси Ватанена?

— Да, прошло, — сказала Миина. — Похоронили ее в день Благовещения.

Антти снова зевнул, напялил шапку на затылок, набил трубку, прикурил у печки от уголька и уже в дверях, уходя, спросил Анну-Лийсу:

— Значит, ты сказала — сходить за спичками к Хювяринену?

— Да, иди, и только не болтайся там целый день, — ответила Анна-Лийса.

И вот Антти отправился к Хювяринену за спичками.

Через некоторое время Миина подтвердила его уход следующими словами:

— Пошел-таки Ихалайнен за спичками. Аниа-Лийса на это ответила:

— Пошел ...

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66